

ПРОЯВЛЕНИЯ МЕТАЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Аликина Е.В.¹, Новикова А.В.¹

¹ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», Пермь, Россия (614990, Пермь, Комсомольский пр., д. 29), e-mail: elenaalikina@yandex.ru

Вектор развития современного переводоведения определяет теория языковой личности как отражение антропоцентрической парадигмы в науке. Авторы статьи разграничивают понятия языковой и метаязыковой личности переводчика. Языковая личность переводчика существует в переводоведческом дискурсе и обладает переводческим мировоззрением. Метаязыковая личность переводчика трактуется как профессиональная языковая личность межкультурного и межъязыкового посредника. В статье рассматривается проявление метаязыковой личности переводчика при переводе поэтических произведений, использующих прием потока сознания. В связи с тем, что данное литературное направление отрицает возможность и необходимость поиска смысла, порождает расщепленные интерференции, расширенные метафоры, провоцирует генерацию возможных миров, особая роль уделяется таким качествам переводчика, как интуиция, эмпатия, образное мышление. Приводятся результаты эксперимента, в ходе которого студентам-переводчикам было предложено визуализировать идейное содержание стихотворения в виде картины. Это позволило определить некоторые механизмы управления переводчиком возможными мирами.

Ключевые слова: перевод, языковая личность, поэтический перевод, возможные миры

ACTUALIZATION OF TRANSLATOR'S METALINGUISTIC IDENTITY BY THE TRANSLATION OF POETRY

Alikina E.V.¹, Novikova A.V.¹

¹Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia (614990 Perm, Komsomolsky ave., 29), e-mail: elenaalikina@yandex.ru

The theory of linguistic identity determines modern translation theory as a reflection of anthropocentric paradigm in science. We differentiate the concepts of linguistic and metalinguistic identity of a translator. Linguistic identity is actualized in translation discourse and incorporates translator's worldview. Metalinguistic identity of a translator is deemed as professional linguistic identity of intercultural and interlingual mediator. The article covers the actualization of translator's metalinguistic identity by the translation of nonsense poetry. As this narrative direction denies possibility and necessity of sense determination, engenders split references, extended metaphors, and generation of possible worlds special translator's skills should be involved, and namely intuition, empathy, pursuit of harmony, creative thinking, and ability to take risks. Experiment results are presented in the article: students with the major in translation theory were offered to visualize idea content of a poem in the form of a drawing. Hence a number of translator mechanisms has been determined to handle possible worlds.

Keywords: translation, linguistic identity, translation of poetry, possible worlds

Антропоцентрическое направление в лингвистике, сложившееся в конце XX в., породило новое междисциплинарное направление – лингвоперсонологию, или теорию языковой личности. Данное направление стало актуальным и для переводоведческого дискурса эпохи «постлингвистической теории перевода» (термин Т.Г. Галушко [3, с. 106]).

Проблемы языковой личности в теории перевода, по определению М.В. Загидуллиной и Л.А. Нефёдовой [6], специфичны в том плане, что личность переводчика должна быть одновременно нейтральна (отстраненна) и креативна (созидательна).

Раскрывая специфику языковой личности переводчика, в первую очередь следует обратиться к понятию профессиональной языковой личности. Е.Н. Азначеева [1] определяет ее как обобщенный языковой портрет профессионального деятеля.

Мы склонны согласиться с И.В. Кичевой, которая говорит о целесообразности различать профессиональную языковую личность и профессиональные особенности языковой личности, накладываемые профессиональной деятельностью. «Профессиональный “отпечаток” в речевой деятельности языковой личности заметен всегда, но в особенности в тех случаях, когда речевая деятельность говорящего относится к сфере “повышенной речевой ответственности”» [8, с. 195]. Среди дифференциальных признаков профессиональной языковой личности выделяют владение профессиональным языком, использование профессиональных знаний в речевой деятельности, развитие языковой научной картины мира, владение профессиональным тезаурусом, следование стереотипам профессионального поведения. Указанный набор признаков скорее характеризует языковую личность переводчика как исследователя (субъекта переводоведческого дискурса) или преподавателя (субъекта педагогического переводоведческого дискурса) и не отражает специфики собственно переводческой практики субъекта переводческого дискурса или актуального дискурса перевода, под которым Т.Г. Галушко понимает «фрагмент текста в когнитивно-семантической репрезентации в процессе переводческой обработки» [3, с. 108]. В связи с этим разными исследователями высказывается мнение, что переводчику необходимо обладать некоторыми чертами другой языковой личности, а именно автора исходного текста.

Интересным, на наш взгляд, является представление сущности переводческой деятельности, высказанное С.Н. Плотниковой: переводчик «призван заменить собой отсутствующую у коммуниканта языковую личность и тем самым обеспечить ему возможность взаимодействия с собеседниками в данном коммуникативном пространстве» [11, с. 38]. При этом, как отмечает автор, переводчик не должен присваивать себе чужую коммуникативную личность, т.е. хороший переводчик старается быть «невидимым» как коммуникативная личность.

В нашем понимании *языковая личность переводчика* – это профессиональная языковая личность, которая обладает такими свойствами, как поликультурность, полилингвальность, социоцентричность, элитарность, толерантность, развитость и открытость системы экстралингвистических знаний, владение переводоведческой терминологией. Данные свойства в совокупности определяют переводческое мировоззрение.

Мы считаем возможным разграничить понятия «языковая» и «метаязыковая личности переводчика» [2]. Наше предположение опирается на трактовку метаязыковой компетенции

как способности использовать язык в метаязыковой функции, т.е. пояснять смысл одного и того же высказывания с помощью различных вербальных средств в зависимости от особенностей коммуникативной ситуации.

В нашем понимании *метаязыковая личность переводчика* – это профессиональная языковая личность межкультурного и межъязыкового посредника, который аккумулирует мысли других языковых личностей, создает универсальное мыслительное пространство, является сбалансированным билингом, выступает в роли носителя элитарной речевой культуры, наделен высокой степенью речевой ответственности, действует на основе эмпатии, проявляет себя через другие дискурсивные личности, руководствуется заданными извне замыслами. При этом данная личность стремится обеспечить максимально положительный эффект коммуникативной ситуации, осознает возможные риски и действует в рамках профессиональных деонтологических норм и принципов.

Остановимся подробнее на проявлениях метаязыковой личности письменного переводчика поэтических произведений, идейное содержание которых наполнено возможными мирами. Напомним, что категория возможных миров обычно рассматривается под влиянием логико-философских концепций И. Канта, Г.В. Лейбница, Дж. Локка и представляет собой видение субъектом некоторого положения дел как возможного в его проекции на действительный мир. Большинство ученых, в частности Э.В. Бардасова, О.В. Емельянова, Г.Н. Кастанеда, С.Д. Левина, Д. Льюиз, М.Ф. Мисник, Ю. С. Степанов, У. Эко, трактуют возможные миры как текстовые миры, трансформирующие онтологию действительного мира.

Наибольшей объяснительной силой теории множественности миров, на наш взгляд, обладает децентрированная концепция, согласно которой утверждаются отсутствие иерархии и наличие множества актуальных миров (*multiple actual worlds*) с равным статусом в соответствии с индивидуальными представлениями субъектов о том или ином положении дел. Данный подход изложен в работах Н. Гудмана и Р. Рорти, представителей англо-американской традиции аналитической философии [12, р. 14]. Одним из ярких примеров возможного мира для каждого индивида является концепт «счастье», к которому все стремятся.

Теория ментальных реальностей как отражение окружающего мира сквозь призму внутреннего мира субъекта проникла во многие репрезентирующие области искусства – в музыку, живопись, архитектуру, драматургию и литературу в таких их проявлениях, как джаз, сюрреализм, театр абсурда.

Поэтические произведения, провоцирующие порождение возможных миров, как правило, характеризуются расщепленными интерференциями, расширенными метафорами,

что требует от интерпретатора, в роли которого выступает переводчик, таких качеств, как интуиция, эмпатия, стремление к гармонии, образное мышление.

С целью изучения проявлений метаязыковой личности переводчика при переводе поэтических произведений мы провели экспериментальное исследование, в ходе которого студентам-переводчикам было предложено следующее задание: визуализировать идейное содержание иноязычного стихотворения в виде художественной иллюстрации. Мы исходили из того, что, по словам Ю.М. Лотмана [10], искусство может делаться универсальным языком, поскольку оно обладает способностью передавать генерализованное, объемное содержание.

Предлагая подобное задание, мы ставили перед собой задачу получить материальное представление об образе-смысле поэтического произведения, формирующемся в голове переводчика, о том, что можно назвать иллюстрацией к положениям теории смысла французских исследователей Д. Селескович и М. Ледерер.

Напомним, что М. Ледерер считает видение образа переводчиком как единственный источник порождения эквивалента [13]. Читая иноязычный текст, реципиент (переводчик) не «обрабатывает» каждое слово одно за другим, а видит целостный образ – единицу смысла, которую затем описывает на другом языке. Соотношение образа и эквивалентного перевода прослеживается также в работах Н.К. Гарбовского. Ученый отмечает тот факт, что категория образа приближает перевод к искусству: «Продукт переводческой деятельности – это продукт индивидуального отражения некоего объекта действительности» [4, с. 351]. Если центральной категорией искусства является художественный образ, то можно предположить наличие связи между художественным образом и переводческим эквивалентом. По мнению ученого, «существенное отличие понятия “эквивалент” от понятия “образ” состоит в том, что эквивалент претендует на полную равнозначную замену первичного объекта, понятие же образа, напротив, предполагает некоторую субъективность воспроизведения, поэтому не может претендовать на равнозначность по отношению к замещаемому объекту» [4, с. 352].

Представление единицы смысла в виде образа, с одной стороны, и сочетание образа как единицы смысла с эквивалентным переводом — с другой, послужили для нас основанием проведения эксперимента по изучению метапереводческой деятельности. Мы предположили, что переводчик, создающий в своем сознании образ текста, становится истинным соучастником процесса порождения текста, а значит, в какой-то мере и его соавтором. Приведем несколько примеров:

A White Rose (J B O'Reilly)

*The red rose whispers of passion,
And the white rose breathes of love;
O the red rose is a falcon,
And the white rose is a dove.*

*But I send you a cream-white rosebud
With a flush on its petal tips;
For the love that is purest and sweetest
Has a kiss of desire on the lips.*

Ри
с.
1.
Ил
лю
ст
рац
ия
к
ст

ихотворению

“A White Rose”

She Walks In Beauty (George Gordon Byron)

*She walks in beauty, like the night
Of cloudless climes and starry skies;
And all that 's best of dark and bright
Meet in her aspect and her eyes:
Thus mellow'd to that tender light
Which heaven to gaudy day denies.
One shade the more, one ray the less,
Had half impair'd the nameless grace
Which waves in every raven tress,
Or softly lightens o'er her face;
Where thoughts serenely sweet express
How pure, how dear their dwelling-place.
And on that cheek, and o'er that brow,
So soft, so calm, yet eloquent,
The smiles that win, the tints that glow,
But tell of days in goodness spent,
A mind at peace with all below,
A heart whose love is innocent!*

Рис. 2. Иллюстрация к стихотворению
“She Walks In Beauty”

The road not taken (Robert Frost)

*Two roads diverged in a yellow wood
And sorry I could not travel both
And be one traveler, long I stood
And looked down one as far as I could
To where it bent in the undergrowth
Then took the other, as just as fair,
And having perhaps the better claim
Because it was grassy and wanted wear
Though as for that the passing there
Had worn them really about the same
And both that morning equally lay
In leaves no step had trodden black.
Oh, I kept the first for another day!
Yet knowing how way leads on to way,
I doubted if I should ever come back.
I shall be telling this with a sigh
Somewhere ages and ages hence:
Two roads diverged in a wood, and I –*

Рис. 3. Иллюстрация к стихотворению
“The road not taken”

<i>I took the one less traveled by, And that has made all the difference.</i>	
---	--

Анализ визуализаций показал, что в каждой из них представлено соотношение одного субъекта с внешним миром (например, *человек – дорога*) либо взаимодействие двух субъектов (например, *мужчина – женщина*) или объектов (например, *две розы* или *две дороги*). Это означает, что интерпретатор принимал в качестве точки отсчета мир одного или двух взаимодействующих субъектов, как бы выступая от их имени, примеряя на себя их личность, погружаясь в их мир. Именно такая позиция снабжает переводчика механизмом управления другими возможными мирами.

Мы полагаем, что в обычных условиях, не прибегая к материальной визуализации, переводчик поэзии всегда стремится создать образ субъекта, мир которого должен быть вербализован на языке перевода с соблюдением требований поэтичности: рифмы, ритма, интонации и т.п. Данная особенность сближает метаязыковую личность переводчика с личностью «фокусника» (по типологии В.И. Карасика [7]) или «игрока» (в соответствии с людической теорией перевода Е.Ю. Куницыной [9]).

Для подтверждения нашей гипотезы мы обратились к собственно переводам поэтического произведения. В качестве материала использовалось стихотворение Дэвида Миллера, в котором автор применил популярный в модернистской литературе прием потока сознания. Напомним, что данный прием основан на воспроизведении переживаний душевной и ментальной жизни. Таким произведениям свойственны нелинейность, оборванность синтаксиса. Термин «поток сознания» был предложен американским исследователем, философом У. Джеймсом. Для него сознание представляло собой некий поток, в котором мысли, ощущения, воспоминания и внезапные ассоциации постоянно перебивают друг друга, нелогично переплетаясь [5].

Приведем отрывок из стихотворения Д. Миллера «The Rattle for Battle With One Thought In The Void»:

*He rushed and rashly rustled
the rushes; Jim the rollerboard six
The alligators roar is deserving
of all that is scattered thereon
Analogy grieves as the splattering stream
Rolls its pebbles to roundness: and tumbles on down to the sea [14].*

На первом этапе эксперимента мы предложили носителям английского языка, в роли которых выступали студенты Университета штата Небраска (США), описать возникающий у них при прочтении произведения образ. Далее мы сопоставили данный образ с вариантами

переводов, выполненными российскими студентами-переводчиками из Пермского национального исследовательского политехнического университета.

В результате сопоставления было выявлено, что у американских студентов сформировался аллегорический образ жизненного пути, на котором приходится сталкиваться со всевозможными сложностями, метафорично названными автором камнями или валунами (*pebbles*); на пути к поставленной цели приходится преодолевать трудности, в результате появляется бесценный опыт, символично сравниваемый в стихотворении с гулом аллигаторов. В свою очередь у российских студентов преобладает образ сказочного мира, в котором, как в Зазеркалье, бушует мир джунглей и живут страшные аллигаторы. Описание похоже на детскую сказку, в котором главный герой попадает в некий экзотический мир, наводящий страх.

Описанный пример показывает, что при создании образа анализируемого стихотворения у участников эксперимента большую роль сыграли их собственные социально-культурные ментальные миры, через призму которых произошло формирование соответствующего образа, в чем мы и видим проявление метаязыковой личности переводчика.

Таким образом, в рамках данной статьи мы попытались наметить исходные пути исследования метаязыковой личности переводчика и осознать важность накопления большего по объему и количеству экспериментального материала для обоснованности наших предположений.

Список литературы

1. Азначеева Е. Н. К проблеме типологизации профессиональной языковой личности музыканта // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — 2009. — Вып. 39. — № 43 (181). — С. 5–9.
2. Аликина Е.В. Переводчик как метаязыковая личность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. № 4-1 (34). — С. 15–18.
3. Галушко Т.Г. Когнитивно-дискурсивная матрица перевода // Герценовские чтения. Иностранные языки: материалы всероссийской межд. Научной конференции (14–15 мая 2015 г.). — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. — С. 106–108.
4. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебное пособие. — М.: Изд-во МГУ, 2004. — 544 с.
5. Гевин У. Понятие «смутности» в философии У. Джемса // Вопросы философии. 1996. — № 3. — С. 79–91.

6. Загидуллина М. В., Нефёдова Л. А. Введение // Языковая личность переводчика: коллективная монография. Челябинск. — 2011. — С. 4–7.
7. Карасик В. И. Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2011. — Т. 62. — № 8. — С. 109–115.
8. Кичева И.В. К вопросу о профессиональной языковой личности // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2012. — № 1. — С. 193–196.
9. Куницына Е. Ю. Языковая личность переводчика как сущность и ипостась // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Филологические науки. — 2008. — № 10 (34). — С. 103–106.
10. Лотман Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры. — Таллинн: TLUPress, 2010. — 232 с.
11. Плотникова С. Н. Говорящий/пишущий как языковая, коммуникативная и дискурсивная личность // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. — 2008. — № 4. — С. 37–42.
12. Ryan M.-L. The Text as World Versus the Text as Game: Possible Worlds Semantics and Narrative Theory // Journal of Literary Semantics. — 1998. — 27(3). — P. 137–163.
13. Lederer M. La traduction aujourd'hui; Le modèle interprétatif. — Paris: Hachette, 1994. — 224 p.
14. Miller D. The Rattle for Battle With One Thought In The Void [Electronic resource]. — URL: <http://www.shadowpoetry.com/resources/bestbook/chapter4.html>

Рецензенты:

Мишланова С.Л., д.фил.н., профессор, заведующая кафедрой лингводидактики Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Кушникова Л.В., д.фил.н., профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского национального исследовательского политехнического университета, г. Пермь.